

УДК 81.373.46

Стратегии англоязычного парламентского дискурса

ШИРОКИХ АННА ЮРЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки-4» Финансового университета
E-mail: ashirokih@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются лингвистические и экстралингвистические характеристики дискурса парламентских дебатов с точки зрения функциональной психолингвистики. Эмпирический материал позволил выделить речевые стратегии аргументации, авторитарности, снятия категоричности высказывания и двусмысленности речи, которые рассматриваются автором в контексте моделирующей деятельности дискурсивной рефлексии.

Ключевые слова: дискурс; дискурсивная модель; картина мира; контекст; текст; речевая стратегия; языковой образ.

The Strategies of the English Language Parliamentary Discourse

ANNA YU. SHIROKIKH, PhD (Linguistics), Associate Professor, Department of Foreign Languages-4, Financial University.
E-mail: ashirokih@mail.ru

Abstract. The article looks upon linguistic and extra linguistic characteristics of parliamentary debates from the point of view of functional and psychological linguistics. Empirical material allows marking out speech strategies of argumentation, authoritarianism, elimination of rigid utterances and ambiguity of speech, which are researched in the context of discourse reflection.

Keywords: context; discourse model; discourse; language image; picture of the world; speech strategy; text.

«**К**артина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира, закрепленное и реализованное в своеобразной материальной форме. Этой материальной формой является язык, который и выполняет функцию объективации индивидуального человеческого сознания ... рождается человеческая картина мира, принадлежащая всему роду человеческому и существующая в форме «язык-мышление» [1, с. 15]. Языковая картина мира и языковой образ человека как ее творца — одна из главных проблем изучения современной лингвоантропологии. «Языковой образ занимает посредствующее положение между языковым сообщением, создаваемым из различных частиц языковой формы, с одной стороны, и мыслью, воплощаемой в этом сообщении, — с другой. Наличие такого посредствующего звена между

языковой формой высказывания и высказываемой мыслью вносит новый оттенок в обсуждение извечной проблемы философии, филологии и риторики — проблемы соотношения мышления и языка» [2, с. 289].

Категория «дискурс» находится в сфере изучения нескольких лингвистических дисциплин. Функциональная лингвистика объясняет дискурс через функции языковых форм. Психолингвистика исследует процессы и механизмы речевой деятельности, т. е. порождение, восприятие и понимание речевых высказываний в дискурсе. Когнитивная лингвистика изучает дискурсивные структуры сознания, мышления и познания. Термин «дискурс» был введен в обиход науки З. Харрисом в 1952 г. и с течением времени претерпел множество интерпретаций значения. Несмотря на множественность определений дискурс понимается

большинством исследователей как высшая единица языка, состоящая из связанных по смыслу предложений с регулярной воспроизводимостью в речи. В дискурсе реализуются речемыслительные стратегии на основе таких психологических механизмов восприятия, как перцепция и апперцепция, посредством которых участники речевого акта структурируют коммуникационные события.

Коммуникативное лидерство, изучаемое в рамках дискурсного анализа в текстовом воплощении, находит свое выражение в разнообразии стратегий речевого воздействия в контексте парламентских дебатов.

Дискурсивная модель профессионального сообщества разработана с учетом взаимной обусловленности социальных аспектов, постоянно повторяемых текстов и индивидуальных схем восприятия и воспроизводства информации [3, с. 146]. Размышляя о лингвистических понятиях дискурса и текста, В. Г. Борботько пишет: «Общая направленность, характерная для семиотических исследований, — от наших знаний о языке через метаязык к внеязыковой реальности. Но для лингвистики все-таки важнее использовать другую возможность, противоположную по направленности — идти от наших знаний об организации реального мира к языку, формированию которого, вероятнее всего, определяется, в конечном счете, принципами организации реального мира в их взаимодействии с принципами деятельности человеческого сознания» [4, с. 15].

Рефлексия (индивидуальная версия представляемой реальности) и смысловой инвариант («абстрактный аналог социально выработанного значения») позволяют описать «деловое использование игры и языка, когда говорящий, заняв действительно внешнюю позицию по отношению к своей речи, пользуется ею как орудием для достижения поставленной цели» [4, с. 69]. Характеристики деловой активности — это детерминированность порядка игры, прецедентность, целеполагание, ранг участников по выполняемым им функциям, церемониально-игровой план общения.

По словам В. Г. Борботько, «деловой дискурс может быть реализован в истинном или ложном ключе. Дискурсивный образ может либо соответствовать, либо не соответствовать действительности. Часто это происходит в силу неполноты наших знаний о реальности. А поскольку сообщаемое не всегда может быть подвергнуто проверке, то часто можно судить об истинности сообщения лишь

как о его достоверности, т. е. с определенной долей вероятности. Значительная доля информации при этом может оставаться неопределенной», что в свою очередь порождает «двусмысленное толкование и зону неустойчивости в образе реальности, строящемся у реципиента» [4, с. 81]. Чтобы исключить двусмысленность, сократить зону неустойчивости в восприятии сообщения, коммуникантам необходимо владеть фоновой информацией по теме. В контексте исследуемого эмпирического материала зоны неустойчивости связаны с целью, местом, временем и распределением ролей.

Эмпирический материал, изученный в рамках этого исследования, — это скрипт парламентской дискуссии, посвященной финансовой политике Объединенного королевства. Седьмая встреча комитета по делегированному законодательству посвящена внесению поправок в постановление о финансовых услугах и рынках ценных бумаг [5]. Место речи — «one of the Committee Rooms». Дейктический временной элемент указывает на неотложность и своевременность дискуссии. Дата — 30 марта 2010 г., «*before the Easter recess*». По словам докладчика, «*the Committee should note that the coming-into-force date of the regulations has been corrected from 6 April to 9 April due to the Easter recess. I wanted to make the Committee aware of that*». (Комитет должен учесть, что дата вступления в силу постановлений была перенесена с 6 апреля на 9 апреля из-за пасхальных парламентских каникул. Хотелось бы, чтобы комитет принял это во внимание.)

Ролевой статус выступающих зафиксирован перед прямой речью автора развернуто перед первым высказыванием и кратко далее по тексту:

The Exchequer Secretary to the Treasury (Sarah McCarthy-Fry) / Sarah McCarthy-Fry;

The Chair / Mr. Streeter;

Mr. Michael Jack (Fylde) (Con) / Mr. Jack;

Mr. Mark Hoban (Fareham) (Con) / Mr. Hoban.

«Con» в данном контексте — сокращенное наименование партии — Conservative Party. Члены парламента, принимающие участие в дискуссии, называют выступающую от лица правительства Сару МакКати-Фрай «*the minister*», так как «*the Exchequer Secretary to the Treasury*» — это хоть и младший, но министерский пост казначейства.

Сара МакКати-Фрай называет своих оппонентов «*the right hon. (Gentleman)*» — традиционная форма обращения к членам парламента. Фраза обозначает «*my (right) honorable member for ...*» /

«*the (right) honorable member for ...* далее следует название избирательного округа депутата:

«*I am able to say to the right hon. Member for Fylde that they will apply to new and continuing issuers.*».

(Я могу ответить высокоуважаемому депутату округа Филд, что они (постановления, по контексту) будут касаться и новых и зарекомендовавших себя эмитентов.)

В данном контексте «*right*» означает «*to a great degree or extent*». В зависимости от употребления «*my*»/ «*the*» в начале обращения можно определить являются ли выступающие однопартийцами: «*my hon. Friend*».

Текст изобилует ссылками на людей, организации и документы:

«*The regulations are the culmination of an extensive period of review and consultation carried out initially by Professor Paul Davies, QC, Cassel Professor of Commercial Law at the London School of Economics, and more recently by HM Treasury.*».

(Эти постановления являются наивысшим результатом продолжительных проверок и совещаний, начатых профессором Полом Дэвисом, советником Короны, профессором коммерческого права Лондонской школы экономики, и продолженных Министерством экономики и финансов.)

QC — Queen's Council (советник Короны). Her Majesty's Council learned in the Law — статус советника Короны, дающий право представлять интересы государства в судах высших инстанций, а также почетный титул. Cassel Professor — именной титул в память сэра Эрнеста Джозефа Кассела, британского банкира и капиталиста, отмеченного Короной за заслуги перед страной. HM Treasury, Her Majesty's Treasury — Министерство экономики и финансов Британии.

Один из выступающих в начале своей речи упоминает, что это не первое обсуждение проблемы в парламенте. Можно предположить, что предыдущая дискуссия также была оживленной, было много противников предложенного законодательства: «*I can assure him that there is no reference this afternoon to any ombudspeople.*». Интересно, что «омбудсмены», должностные лица, контролирующие соблюдение законных прав граждан, имеют в Британском королевстве представительства-организации практически во всех областях жизни: Financial Ombudsmen Service, Parliamentary and Health Service Ombudsmen, Local Government Ombudsman. Каждая из этих

организаций несет ответственность за определенные сферы бизнеса и учреждена парламентом Британии. Однако из текста следует иносказательный смысл — было много прений в предыдущем обсуждении проблемы.

Следующие аббревиатуры, обозначающие организации и законодательные документы, упомянуты в тексте:

FSA — Financial Service Authority, учрежденная актом парламента «Financial Services and Markets Act» 2000, документ, подверженный пересмотру на данном заседании;

Bloomberg and Thomson Reuters — негосударственные организации, поставщики информации для финансового мира;

RIS — Regulatory Information Service, официальный поставщик информации для финансистов Британии;

Caparo vs. Dickman — дело, рассмотренное Британским королевским судом в 1990 г. и служащее прецедентом для рассмотрения дел о преступной халатности;

MiFID — The Markets in Financial Instruments Directive, ранее по тексту упоминаемая как «the transparency directive», директива Евросоюза о рынках финансовых инструментов 2007 г., основной целью которой была разработка прозрачной отчетности по продаже и покупке акций и облигаций на биржах Евросоюза.

Политический дискурс в целом характеризуется как информационный, основанный на знаниях тип дискурса. Фоновая информация может включать не только сведения исторического и культурного порядка, но и специальные знания, необходимые реципиенту для понимания сути дискуссии. Возможные информационные пробелы в знаниях о торговле на бирже, финансовом бизнесе, политической международной ситуации исказят исходное сообщение. Уточняя статус участников, один из оппонентов предложенных поправок говорит:

«*I had better mention that I am a director of a plc, as stated in the Register of Members' Financial Interests, and as I declared at the start of my speech on the Budget; but I do not think that that relates directly to the matters under consideration.*».

(Стоит заметить, что я являюсь членом правления открытого акционерного общества, как и указано в учетной книге финансовых интересов членов парламента, и как я заявил в начале моей речи о бюджете; однако, думаю, это не имеет прямого отношения к обсуждаемым вопросам.)

Фоновая информация (a director of a plc) противоречит отрицанию личной заинтересованности.

Парламентские дебаты — это устная форма функционирования официально-делового законодательного дискурса. В отличие от своего письменного эквивалента, текстов законов, актов, постановлений, этот тип осуществляется в игровом регистре языка с его постоянным поиском новых выражений. Подчеркивая игровой регистр делового дискурса, В. Г. Борботько акцентирует наше внимание на присущих этому регистру «самоценности слова, создании необычных способов построения речи, речевом лицедействе самого говорящего». Смена фреймов в смысловом поле, по М. Минскому [6, с. 293–294], способна деформировать дискурс и вызвать «неравновесное состояние сознания у воспринимающего субъекта, состояние, при котором озадаченность может быть сопряжена с неприятием и с удивлением, с восторженностью и приниженностью» [4, с. 80]. Метафора как основа мировосприятия и природа познания является основной речетворчества даже в самых регламентированных сферах жизни. Выступающие широко используют метафорические переносы: *suffer a loss, transparency directive, face significant and reputational penalties, dishonest delay, delayed for good reason, off the top of my head, unbelievable degree of precision, end-to-end cost, a raft of smaller cases, burden of proof, financial instrument, the defect in the UK regime*.

Институциональный дискурс характеризуется организующим началом, то есть функцией устранения конфликтности и установления доминирования на основе статусного функционирования участников в фокусе речевых стратегий [7, с. 5–10]. Дебаты как формальный метод воздействия и аргументации представляет собой комплексное взаимодействие участников на базе уже имеющихся фреймов знаний. Достижение консенсуса — цель дебатов. В идеале эта цель достижима на основе логической аргументации. Однако если путь логики закрыт в силу повышенной эмоциональности ситуации, возможны другие способы достижения цели — авторитарное воздействие и, как следствие, конфронтационные пути сопротивления — ирония, жаргонизм, личностные высказывания.

Переходя от функций к моделирующей деятельности дискурсивной рефлексии, обозначим модель дискурса как «образ мира», в котором отражаются разные семантические элементы, переводимые в линейную речевую форму. В соответствии со степенью симметрии между образом-прототипом

и дискурсивной моделью выделяют первичные диктальные, реальные, квазиреальные, ирреальные, аллегорические и категориальные модели.

Реальные дискурсивные модели демонстрируют желание говорящего как можно точнее передать нужную информацию, это отражение существующего прообраза ситуации. Виды реальной модели дискурса могут включать актуальную модель как образ настоящего, эвокативную модель как образ прошлого и модель виртуальной реальности, имеющую гипотетический характер [4, с. 153]. Последняя модель весьма актуальна для исследуемого нами дискурса, так как задействуются модальные операторы, позволяющие придать модели характер рассуждения и снять излишнюю категоричность высказывания. Определенные грамматические, синтаксические, лексические и фонетические средства реализуют дискурсивные модели. Косвенный вопрос для запроса информации реализует реальную гипотетическую модель:

I am intrigued to know under what circumstances another member state would invoke the measures to the extent of issuing some kind of request...;

(Я заинтригован, при каких обстоятельствах другое государство — член Евросоюза (по контексту) могло бы применить меры и направить запрос...)

It is not entirely clear to me under what circumstances the FSA must accede to a request and follow through on the procedures that we are discussing;

(Не совсем ясно, при каких обстоятельствах Управление по финансовому регулированию и надзору обязано согласиться удовлетворить запрос и соблюсти те процессуальные нормы, которые мы сейчас обсуждаем.)

It would be helpful if the Minister explained what assessment the Government have made of the current costs...;

(Было бы полезным, если бы Министр объяснила, какую оценку текущих расходов (связанных с введением постановлений, по контексту) дает правительство...)

Модель виртуальной реальности, или гипотетическая модель, может быть представлена риторическими вопросами:

Is it not the case that the statutory instrument simply enables the FSA to issue notifications through the regulatory information services, rather than writing directly to each participant in those markets?

(Разве это не тот случай, когда нормативно-правовой акт просто позволяет Управлению по финансовому регулированию и надзору извещать

о предупреждениях через регулирующие информационные службы, а не путем прямой рассылки каждому участнику рынка?)

В рамках этой модели могут использоваться модальные глаголы:

I have to ask the Minister why we are doing this...;

(Я должен задать Министру вопрос — зачем мы это делаем...)

Лексические единицы для обозначения количественной и качественной степени (some kind of request or instruction, entirely clear, some burden of proof, in some way flawed, little doubt, remarkably precise), вводные предложения с глаголами мыслительной деятельности (I presume, there seems to be, it is assumed) — другие проявления гипотетических моделей.

Гипотетическая модель дискурса предполагает допущения и имеет множество виртуальных выборов. Например, оратор использует сослагательное наклонение как один из способов снятия напряжения и налаживания контакта с аудиторией:

The FSA would suspend trading if it felt that that was necessary to financial stability as a whole and — if I am correct;

(Управление по финансовому регулированию и надзору приостановило бы торги, если бы они почувствовали общую необходимость стабилизировать финансовую ситуацию — если я правильно рассуждаю.)

I am sure that someone will correct me if I am not — if requested to do so by another EU member state...;

(Я уверен, кто-то поправит меня, если я не прав, — в случае если этого (приостановки торгов, по контексту) потребует другое государство — член Евросоюза...);

Сослагательное наклонение может быть использовано для выражения вероятности последствий и прогнозирования событий:

Of course, with 10 suspensions over a 10-year period, at a rate of £10,000, and the application of a discount rate, the result would be the remarkably precise number of £93,166.

(Конечно, предположительно 10 приостановок торгов за 10-летний период, по цене £10,000, с применением учетной ставки, дали бы замечательно точный результат, равный £ 93,166.)

Эвокативная модель, отражающая образ прошлого, в исследуемом эмпирическом материале реализуется использованием церемониальных фраз. Этот пережиток прошлого, архаизм, имеет большую культурную ценность — преемственность

традиций как основа прецедентного права, коммуникативную ценность — регламентировать общение и функциональную ценность — снять напряжение, устранить категоричность высказывания:

With this it will be convenient to consider...;

(Имея это в виду, будет неплохо обсудить...)

It is a pleasure to serve under your chairmanship...;

(Мне приятно работать под Вашим председательством...)

It is a pleasure to speak in the debate...;

(Для меня удовольствие выступить в дебатах...)

Оптативная реальная модель дискурса, отражающая оценки актуальной и виртуальной ситуаций, содержит рекомендации и ограничения для ведения той или иной деятельности. Эта модель может осуществлять регулятивную функцию в тексте с целью, скажем, авторитарного воздействия на аудиторию. Дейктические элементы в речи одного из оппонентов, например, местоимение первого лица, сигнализирует личную ответственность за слова-поступки:

I beg to move, that ...;

(Я прошу ходатайствовать, чтобы ...)

I am talking about ...;

(Я говорю о том, что...)

I will endeavor to get the response ...;

(Я попытаюсь получить отклик...)

Часто используется местоимение «we», которое, с одной стороны приравнивает автора высказывания к собеседнику, делая его соучастником, то есть укорачивает дистанцию, а с другой стороны, поднимает статус оратора — это не только его мнение, это и мнение его единомышленников:

We are proposing to simplify the procedure ...;

(Мы предлагаем упростить процедуру...)

We are also clarifying the procedure ...;

(Мы также планируем прояснить процессуальные нормы...)

Категориальная модель, классическим примером которой является научное описание явлений, являет собой рассуждение с целью выяснить абстрактные систематические свойства реалий мира. Однако тупик в рассуждении может привести к парадоксу. Как следствие переключения смысла с нарушением синтактико-семантического свойства возникает парадоксальный смысл, с намеком на иронию:

I thank those who contributed to the debate — and those who did not.

(Благодарю всех, кто принял участие в дискуссии, — и тех, кто присутствовал.)

Первичная диктальная модель характеризуется совпадением семантического плана и языкового носителя. Однако возможно использование соположения диктальных выражений, звуков для оказания эмоционального воздействия на аудиторию:

It is remarkably precise, but of course that precise number is based on a set of imprecise assumptions. It is assumed that there will be one suspension per year, which we know, from the Minister's remarks, has not been the case to date. There have been no suspensions so far.

(Это замечательно точная цифра, но эта бесспорно точная цифра основана на множестве неточных допущений. Допускаем, что будет по одной приостановке торгов в год, что, как мы знаем по замечаниям Министра, было не так до сегодняшнего дня. Пока приостановок торгов не было.)

Другой пример использования диктальных элементов — многократное повторение семы «sure», индуцирующее семантику уверенности. Слова «sure», «assure», «ensure» употребляются в речи выступающего 10 раз в различных контекстах.

Очевидно, что институциональный характер парламентских дебатов ограничивает использование ирреальных и аллегорических моделей, более присущих художественному творчеству. Такие проявления дискурсивной рефлексии, как фантазмагория, абсурд (ирреальная модель рефлексии) или иносказание (аллегорическая модель), отсутствуют в тексте дебатов.

Изученный материал показал отсутствие синтетических квазиреальных моделей, когда известное облекается в непривычные для него формы, за исключением, может быть, метафор.

Несмотря на разнообразие дискурсивных моделей и сопутствующих им функций, «любой прием, однажды возникший в дискурсе как особенное, сингулярное явление, распространяясь, становится регулярным и превращается в языковом сознании в типовую операцию», то есть стемму, обладающую матричной системной значимостью

[4, с. 182]. Иерархия связей абстрактного понятия и их материализация в тексте дают возможность говорящему определить регистр и сценарий общения. Моделирующая деятельность дискурсивной рефлексии дает возможность прогнозировать развитие языковых событий и корректировать языковую картину мира, отражающую особенности менталитета нации. Практическое приложение данных возможностей отражено в техниках языкового манипулирования, нашедших широкое применение в рекламе, публицистике, ораторском искусстве, художественном творчестве, политике и преподавании.

Литература

1. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в языке и сознании, — М: КомКнига, 2006. — 121 с.
2. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. — М.: Новое литературное обозрение, 1996. — 352 с.
3. Олешков М. Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект: учеб. пособие для студентов факультета русского языка и литературы. — Нижний Тагил, 2006. — 146 с.
4. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвонергетике. — М.: КомКнига, 2006. — 288 с.
5. Parliament Homepage, Parliamentary Business, General Committee Debates, Session 2009–2010. [Электронный ресурс] URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200910/cmgeneral/deleg7/100330/100330s01.htm> (дата обращения: 19.01.2013).
6. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 23. — М.: Прогресс, 1988. — С. 281–310.
7. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник науч. трудов. Волгоград: Перемена, 2000. — С. 5–20.